

Скрылись доли в густеющем мраке,
Стал стеной на пути тёмный лес.
Но созвездий заветные знаки
Засветились на свитке небес.

И светло из-под глади ледовой
Засквозили зеницы озёр,
Словно знаками звёздного слова
Их глубинный исполнился взор.

Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков,
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звёздно брезжились дали веков.

Осенний вечер

Купают ветви в невосковой пене
Златые купы ивняка.
И вверх по каменным ступеням
Шагает медленно река.

И вихрь бесплотными руками
Срывает с ветхих ив листву
И золотыми облаками
Стремит куда-то за Неву.

И я под ивой сиротливой
Стою, утраты не таю —
Как будто времени порывы
Уносят молодость мою...

Минует вечер, сникнет ветер,
Спадёт вода... Взрастут года.
И, может быть, когда-то, в детях
Моих, нахлынувших сюда,
Неувядаемые эти
Дни возвратятся навсегда.

В подземном переходе

Здесь бродяги да влюблённые
Дантовский нашли приют.
Здесь незрячие поют:
«У беды глаза зелёные...»

Застив маковками звёзды,
Липы в парке зацвели.
И казался липким воздух —
Аж от выси до земли, —

Словно им, как сущим клеём,
С дней Творения до нас,
Та цветущая аллея
С высью звёздной скреплена.

Видно, нам со дня рождения,
Будто давний сон цветной,
Помнить райское цветенье
До могилы суждено.

На смерть художника

Замер пульс часов, и вязко
Время в теле кабинета.
Блекнет кисточка без краски,
Как цветок, лишённый цвета.
Запустел мольберт, и плотно-
Плотно скатаны полотна...

Лишь в оконной раме белой:
Ночь и небо — без предела,
Светотоки звёздных лет —
Свежий Вечности портрет,

Где мазком, что схож с кометой,
На пути в Бессмертье где-то,
Замерцала, чуть дрожа,
Чья-то светлая душа.

Любовь

Выйди ночью за порог
Со свечой в руке —
И увидишь огонёк
В дальнем далеке.

Это я, храня свечу
От семи ветров,
Твоему огню шепчу:
«Выведи под кров».

...Время собирать камни...

Еккл. 3:5

Когда с высот нисходит свет землистый
И замирает праздная молва,
Я зарываюсь в книги летописных,
Стремясь прозреть заветные слова.
Я отверзаю спудные страницы,
Как земляные древние пласты,
И всею сутью силюсь углубиться
До корневой глагольной высоты.
Но, словно камни — почву тяжёлой,
Сокрыты долгим временем глаголы.
И кажется — не хватит целой жизни,
Чтоб даже в самом тонком слое книжном
Весь вековой пророческий их вес
Собрать в прообраз будущих небес.

Преображение

Глядится высь в разлившееся Нево,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь,

яко с жизненного древа,

В поток небесный падают плоды.

И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.

И чудится,

что яблоки на водах

В скопленье

сочетаются в века.

И те века плывут,

плывут...

И встречно

Течёт им

жизнь грядущая моя.

И я гляжу на яблочную вечность,

Преображаясь чудом Бытия.

Клокочет море в камышах

За каменной губою,

И кровь шумит в моих ушах,

Как вечный гул прибора.

Но слышу, время, как в тебе

Суставы жизни — при ходьбе —

Скрипят от юрской соли,

И на прокушенной губе

Я ощущаю вкус скорбей

И первородной боли.

Знать, просолила наши дни

Навечно боль людская.

Не оттого ль вода морская

Крови клокочущей сродни?

Петербургские львы

Я иду по мостам между каменных львов,
Что дружны мне с моих первых детских шагов,
Что под снегом сейчас, как в берлогах, сонливо,
Сторожат Петербург, словно — в древности — Фивы.
И, наверное, снится завьюженным львам
О песчаных сугробах, подобных векам.

Небоводье

Цветёт небесный луг безбрежный
Над затонувшей грядой,
Где под высокою водой,
Как в первозданной зыби той,
Лучится солнечный подснежник
Сверхновой зыбкою звездой,
Как будто явленной в зените
Всего земного бытия,
И вокруг неё, как по орбите,
Течёт к началу жизнь моя.
И в этой вещи круговерти,
В нездешнем росте донных трав
Я вижу жизнь за кромкой смерти,
Я внемлю: «...Смертью смерть поправ...»

После дождя

Восходит солнышко над лугом,
Над миром, сущим тыщи лет.
И в каждой капельке упругой,
И в каждом миге — длится свет.

И каждой сущою частицей —
Всей сутью — ощущаю я,
Что с тем насущным светом

длится

Душа бессмертная моя.

У рождественской ёлки

Там мир таинственный, согретый
Воображеньем детворы:
И за спиралью мишуры —
Не просто полые шары,
А населённые планеты.

Там детских грёз чудесной силой
Гирлянды лампочек цветных —
В неугасимые светила
Невинно преобразены.

И, как сгущённый — до сверканья,
Овеществлённый в форму свет,
Шпиль — над еловым мирозданьем —
Горит, мечтами их согрет.

А здесь, пред ёлкою, в сторонке —
Весь в чистых, радужных слезах, —
Лик обомлевшего ребёнка,
Его нездешние глаза.